

С.Д.Абишева¹, М.С.Асылбекова²

¹Казахский национальный педагогический университет им. Абая, Алматы;

²Специализированная школа-лицей № 165 для одаренных детей, Алматы

Топос города в поэзии А.Кушнера

В поэзии А.Кушнера город становится своеобразным текстом, он несет в себе семантическое и символическое сознание лирического героя. Модель мира А.Кушнера складывается из системы художественного образа города, описание пространства которого позволяет выразить отношение поэта к городскому локусу и его восприятие жизни.

Ключевые слова: город, пространство и время, лирический герой, топоним, Ленинград.

Исследователи отмечают, что в современной поэзии «А.Кушнер, пожалуй, самый «петербургский» автор — и по тематике стихов, и по литературным привязанностям, и по особому петербургскому «менталитету». Естественно, сам город является постоянным героем его поэзии» [1; 297]. Современный поэт на своем юбилейном творческом вечере, посвященном 75-летию со дня рождения и проходившем в мемориальной квартире И.Бродского в Санкт-Петербурге 17 ноября 2011 года, признавался, что ему «необычайно повезло и с родителями, и с городом. Модерн чрезвычайно воспитывал».

Стихотворениям А.Кушнера свойственна скромность и близость к прозаической речи. Возможно, именно по этой причине, мастерство поэта в своем полном масштабе предстает только при неторопливом и вдумчивом чтении его стихотворений, когда окружающий мир перед читателем раскрывается в соответствии с представлениями самого автора.

Кушнер получил широкое признание среди современников. Так, И.Бродский, называя его одним из лучших лирических поэтов XX века, говорил: «Это человек, который начал с поэтического консерватизма формы и остался в высшей степени равен себе. <...> На мой взгляд, Кушнер — один из самых глубоких авторов. Он чрезвычайно традиционен по форме, но абсолютно не традиционен, я бы даже сказал, весьма и весьма авангарден по содержанию. Творчество Кушнера до известной степени характерно для ленинградской школы, именно эта контрастная комбинация консервативной формы и содержания. Когда вы привыкли к размеру, которым писали — ну, не знаю — Пушкин, Анненский, Блок и т.д., когда ухо и глаз к нему привычны, и вы вдруг видите в этом размере современную психологию — возникает колоссальное противопоставление, поэтический оксюморон, если угодно, ощущение колоссального противоречия формы и содержания» [2].

Кушнер — коренной ленинградец, творивший в родном городе и посвящавшем ему стихи. «Питерский воздух и невская вода отравлены среди прочих токсинов неким ядом, вызывающим неодолимую жажду стихотворчества. Жажда эта неизлечима, кончается вместе с кончиной стихотворца», — заметил В.Уфлянд [3].

Говоря о творчестве А.Кушнера, нельзя не обратить внимание на тесную связь поэта с родным городом. Не случайно Кушнер позиционирует себя как «городского обычного жителя» [4; 115]. Ленинград является постоянным героем его поэзии.

*Пойдем же вдоль Мойки, вдоль Мойки,
У стриженных лип на виду,
Глотая туманный и стойкий
Бензинный угар на ходу [5].*

В поэтическом сознании Кушнера город представлен в разных ипостасях. Он универсален и способствует осознанию человеком своего места в мире, участвует в нравственно-ценностном определении бытия. Можно условно выделить два представления о Ленинграде Кушнера: это наполненный памятниками архитектуры культурный город и современный индустриальный центр.

Изображая город как крупнейшее достижение культуры, поэт непременно отмечает его величие и блистанье: «Петропавловская крепость, / золотое остриё! / Дождь запнётся на Рыбацкой / И проходит стороной, / За зеленой Петроградской / Самой светлой стороной» [4; 19]; «Петропавловские пушки, / Гроза крепостей, / Под дождиком мокнут, / На солнышке сохнут / У Кронверки-речки / При вхо-

де в музей» [4; 113]; «Пойдем мимо пушкинских окон, / Музейных подобранных штор, / минуем Капеллы широкой / Овальный, с афишами, двор» [4; 32].

Культурные достопримечательности города Кушнер также связывает с историей: «И памятник опалубки следы / Хранит, пугая грубой прямотой, / Как будто он хранит следы беды, / И доблести, и вздыбленности той <...> И каждая былинка так стоит, / Как будто заслоняет Ленинград» [4; 21]. Благодаря подобной связи в его поэзии присутствует культурное наследие разных эпох и народов, культурная память города. Город вступает в глубинное соприкосновение с внутренним миром лирического героя, создает своеобразный автобиографический миф. Поэтические метафоры рождаются мгновенно. А.Кушнер вспоминает, что однажды, гуляя зимним утром по парку, он увидел статую Аполлона, занесенную снегом. Появилась удивительная метафора в стихотворении «Аполлон в снегу». Бог поэзии пришел на север:

*В белых иглах мерцает душа,
В ее трещинах сумрак и лед.
Небожитель, морозом дыша,
Пальму первенства нам отдает,
Эта пальма, наверное, ель,
Обметенная инеем сплошь.
Это — мужество, это — метель,
Это — песня, одетая в дрожь [6].*

Описывая Ленинград как современный индустриальный город, поэт уделяет внимание промышленному центру, отмечает, что прогресс прочно вошел в жизнь города: «А погляжу в окно — и снова / Увижу кран, увижу дым, / Завод «Кинап», завод «Свердлова» / И «Красный выборжец» за ним» [4; 15]; «Сколько раз на повороте / У ремонтных мастерских / я терялся в переплете / Редких молний заводских! / И кирпич фабричный голый / Всех строений и цехов / В том числе вечерней школы, / Поражал — так был багров» [4; 16]; «Текстильных фабрик мягкий шорох / Запутан в здешних разговорах» [4; 12]; «Вдали от музыки и пароходов, / На петроградском рубеже, / Паренье первых аппаратов!» [4; 23].

Но эти два города — культурный и индустриальный — не существуют отдельно друг от друга. Они причудливо переплетаются в пространстве единого города, создавая образ современного Ленинграда:

*Глотая туманный и стойкий
Бензиновый угар на ходу,
Меж Марсовым полем и садом
Михайловским, мимо былых
Конюшен, широким обхватом
Державших лошадок лихих [5].*

В восприятии Кушнером Петербурга — Ленинграда есть одна характерная закономерность. Взгляд поэта на город всегда очень точен, имеет конкретную топографическую привязку:

*И плачет он меж Невкой и Невой,
Вблизи трамвайных линий и мечети,
Но не отдаст недуг сердечный свой,
Зарю и рельсы блестящие эти
За те края, где льется ровный свет,
Где не стареют в горестях и зимах.
Он и не мыслит счастья без примет
Топографических, неотразимых.*

Здесь очень легко узнается место на петроградской стороне города недалеко от Троицкого моста. И мечеть, и трамвайные пути, идущие от моста, а затем сворачивающие налево на Кронверкский

проспект, узнаются в стихотворении. Без таких точных топографических примет немислима поэзия Кушнера.

Кушнер предельно детализирует город. Замечая все нюансы, он реалистично и, вместе с тем, особому свежо раскрывает действительность Ленинграда. А.Кулагин замечает: «Одну из своих статей о поэзии Кушнер озаглавил пастернаковской строкой: «всесильный бог деталей». Он и сам любит поэтическую точность, конкретность, которой учился у петербургских поэтов — у Ахматовой, Мандельштама... К тому же он родился под знаком Девы, а «Девы» вообще внимательны к тонкостям, нюансам. Счастливое совпадение в том, что поэт такого склада родился именно в этом городе с его столь много говорящей топографией и призван судьбой воспеть его» [1; 300].

Важной приметой городской лирики Кушнера являются конкретные топографические приметы: «А в Мойке, рядом с замком Инженерным...», «Вблизи Обводного, среди фабричных стен, прижатых тесно...», «У моста Тучкова, / среди яркого льда, / зимуют, как звери, речные суда» [8; 18], «Чугунные пушки, / старинные пушки, / петровские пушки — / Гроза крепостей — Под дождиком мокнут, / На солнышке сохнут / у Кронверки-речки / при входе в музей» [8; 21]. Такие конкретные указания формируют поэтический взгляд на город, делают его очень точным.

Сам Кушнер, кажется, не мыслит поэзии без этой характерной закономерности: «Пойдем же! Чем больше названий, / Тем стих достоверней звучит, / На нем от решеток и зданий / Тень так безупречно лежит» [4; 32]. Но порой поэт нарушает городскую топографию. Это происходит в тех стихотворениях, где он стремится создать ощущение городского сновидения, фантазмагии:

*Я ли свой не знаю город?
Дождь пошел. Я поднял ворот.
Сел в трамвай полупустой.
От дороги Турухтанной
По Кронштадской... вид туманный...
Стачек, Трефолева... стой! [9; 92]*

А.Кулагин заметил, что в 1-ой строфе стихотворения «Сон» поэт чрезвычайно точен в описании трамвайного маршрута. В действительности существовал трамвайный маршрут № 35. Его конечная остановка «Турухтанские ворота» находилась почти на взморье, в юго-западной части города. Оттуда трамвай выезжал на Кронштадскую, в районе Кировского завода пересекал проспект Стачек, шел по улице Трефолева [1; 299]. Но во 2-ой и 3-ей строфах стихотворения он превращается в «заблудившийся трамвай» Н.Гумилева.

*Как по плоскости наклонной,
Мимо темной Оборонной.
Все смешалось... не понять...
Вдруг трамвай свернул куда-то,
Мост, канал, большого сада
Темень, мост, канал опять.*

*Ничего не понимаю!
Слева тучу обгоняю,
Справа в тень ее вхожу,
Вижу пасмурную воду,
Зелень, темную с исподу,
Возвращаюсь и кружу [9; 92].*

В 1-й строфе лирический герой уверенно заявлял: «Я ли свой не знаю город?». Теперь он рассеян: «Ничего не понимаю!», «Возвращаюсь и кружу». И дальше упоминаются две знаменитые реки: «Чья ловушка и причуда? / Мне не выбраться отсюда! / Где Фонтанка? Где Нева?» [9; 92]. Кушнер выстраивает лирический сюжет стихотворения на читательском ожидании: трамвай должен выехать от окраинных Турухтанских островов в центр города с хорошо известными всем топонимами — реками Фонтанкой и Невой. Но трамвай увозит лирического героя в непонятный, призрачный Петер-

бург окраин. В одном из интервью А.Кушнер сказал, что «не надо ничего выдумывать, жизнь сама по себе фантастична». Трамвай отвозит лирического героя туда, куда надо:

*Вровень с нами мчатся рядом
Все, кому мы были рады
В прежней жизни дорогой.
Блещут слезы их живые,
Словно капли дождевые.
Плачут, машут нам рукой.*

*Им не видно за дождями,
Сколько встало между нами
Улиц, улочек и рек.
Так привозят в парк трамвайный
Не заснувшего случайно,
А уснувшего навек [9; 93].*

Кушнер создает ирреальный образ города, выводит лирический сюжет стихотворения из конкретики к обобщению, универсальности.

В городе Кушнера привлекает внимание не только топография как таковая, но и «культурная топография». Это культурное наследие, культурная память города, ставшего огромным музеем под открытым небом и хранящим в своих музеях уже в буквальном смысле слова культурное наследие разных эпох и народов.

*Если камешки на две кучки спорных
Мы разложим по разному их цвету.
Белых больше окажется, чем черных.
Марциал, унывать нам смысла нету.
Если так у вас было в жестком Риме,
То, поверь, точно так и в Ленинграде,
Где весь день под ветрами ледяными
Камни в мокром красуются наряде.*

*Слышен шелест чужого разговора.
Колоннада изогнута, как в Риме.
Здесь цветут у Казанского собора
Трагедийные розы в жирном гриме.
Счастье — вот оно! Театральным жестом
Тень скользнет по бутонам и сплетеньям.
Марциал, пусть другие ездят в Пестум,
Знаменитый двукратным роз цветеньем [9; 196].*

Стихотворение наполнено культурно-историческими аллюзиями. Кушнер не только говорит о событиях прошлого, обращается к Марциалу как к старому знакомому — он переживает древнюю культуру. В стихотворении ощущается не только пространство античности, но и пространство лирического героя. Кушнер вольно или невольно воспринимает биографию Марциала, античного поэта, мастера эпиграммы, как петербуржец, «удваивает» лирическое пространство стихотворения. Классические сюжеты никогда не бывают для поэта самоцелью, они созвучны настроению лирического героя. Потому и стихи становятся не просто фиксацией жизненного впечатления, но обретают философское звучание. Знаменитые храмы Пестума (храм Афины, храм Геры, храм Мира) сравниваются со знаменитым Казанским собором, рядом с которым «цветут... трагедийные розы». Пестум был в 274 г. до н.э. колонизирован латинянами и с тех пор потерял свое значение. Единственное, чем он был известен в позднейшее время, — это розы, в обилии покрывавшие его поверхности. Лирический герой стихотворения чувствует свою сохранность, силу в этом мире. Архитектура, мощная, скрывающая

человека за незыблемыми стенами, в то же время является гармоничным сооружением. Связь времен существует, существует гармония и красота для человека.

Участвуют в создании облика Ленинграда и конструировании его пространства реки, без которых город немислим. Его можно представить зрительно:

*Привели меня к дому сперва,
Где жил Пушкин. Сказали: «Постой-ка».
Я спросил: «Эта речка — Нева?»
Мне сказали: «Ты что, это ж Мойка!»*

*А потом вроде узкого рва
Видел речку свинцового цвета.
Я спросил: «Неужели Нева?» —
«Нет, канал Грибоедова это».*

*А потом шелестела листва.
Сколько статуй! Какая прохлада!
Я спросил: «Эта речка — Нева?» —
«Нет, Фонтанка у Летнего сада».*

*А потом — синева, синева,
Шпиль, и солнце, и волны, и ветер.
Я не спрашивал: «Это Нева?»
Я и сам бы любому ответил! [7; 17].*

В городе Кушнера важное место занимает природа. Она не просто является фоном, на котором протекает жизнь города. «В тени петербургских садов» [4; 27] живет, чувствует и мыслит сам поэт, переполненный радостью бытия. По мнению М.Эпштейна «природа в стихах А.Кушнера — это спасительное откровение человеку о чистой и счастливой сущности бытия, которая забывается им за страданиями и невзгодами повседневной жизни...» [10].

Поэт описывает с восхищением и огромной любовью городскую природу: «Финских туманных лесов за Невою / Мне бы хватило вот так, с головою» [4; 10]; «В обстоятельствах грустных / Нашей жизни дневной / Помогает стоустый / Шорох сада ночной» [4; 91]; «Как легок сад, и как он зелен / И свеж в углах своих сырых» [4; 89]; «Чего действительно хотелось, / так это зелени густой» [4; 36].

Не обходит поэт стороной и будничней, повседневней город, серый и тоскливый: «паровозный крик невнятный / В лужах пестрая вода / И суровый смысл понятный / Ежедневного труда!» [4; 17]; «Окинешь город долгим взглядом: / какие черные дома! / Блестит фонарь заиндевший, / и пешеход» [4; 20]; «В окно влетал бензинный перегар» [4; 40].

Но каким бы прозаичней и будничней не предстал порой Ленинград в поэзии Кушнера, он всегда остается городом, в который нужно верить. Кушнер любит родной город и умеет видеть его красоту во всех проявлениях. С точки зрения поэта, человек, способный замечать те детали, которые не бросаются в глаза, видеть и чувствовать глубже других, обязательно откроет для себя город как подарок: «Ты тоже, хмурый и унылый, / Наставив ворот, смотришь вниз. / Не привередничай, мой милый, / побойся бога, оглянись! / Полузаметен и неяркий, / Как бы увиденный сквозь сон, / таится город, как подарок, / Что неспроста преподнесен. <...> И болью в сердце отдается / Сырая эта красота» [4; 20]; «И я усилием привычным / Вернуть стараюсь красоту / Домам и скверам безразличным, / И пешеходу на мосту <...> Но жить, покуда этот фокус / мне не удался, не могу» [4; 25]; «Но так прекрасен дом, канал, / Край неба дымно-алый, / Как будто все сбылось, что ждал, / И сверх того, пожалуй» [4; 30]; «И было грустно оттого, / Что этот город был под боком / И лишь не верилось в него» [4; 36].

Размышляя о чувствах, испытываемых в пространстве любимого города, Кушнер приходит к тому, что они неразрывно связаны с красотой окружающей действительности: «И может быть, это сверканье / Листвы, и дворцов, и реки / Возможно лишь в силу страданья / И счастья, ему вопреки!» [4; 35].

Собственная жизнь поэта, коренного ленинградца, находит отражение в стихах. Кушнер с легкой ностальгией вспоминает события былых дней: «Сколько раз не повороте / У ремонтных мастерских / Я терялся в переплете / Резких молний заводских!» [4; 16]; «Ветра неевского свирепость, / детство ясное мое!» [4; 19]; «И дом, где на лестнице робко / Я дергал висячий звонок. / И дом, где однажды до часу / В квартире чужой танцевал. / И дом, где я не был ни разу, / А кажется, жил и бывал» [4; 35]. Стоит отметить, что важное место в городской лирике поэт отводит не любви, а дружбе: «Вот Грибоедовский канал, / Удобный для знакомства, / Где старый друг меня снимал / Для славы и потомства» [4; 30]; «Бог с ней, с любовью, лишь бы снова / В саду тенистом и сыром, / Вблизи сверканья голубого / Нам очутиться вчетвером» [4; 89]; «Приятель жил на набережной. Дом / Стоял, облитый серебром, / Напротив Петропавловки высокой» [4; 39].

Город играет важную роль в поэзии Кушнера, является неотъемлемой частью творческой жизни поэта. Е.Евтушенко так писал о связи Кушнера с городом: «Не написав ни одной поэмы, он практически стал автором огромной поэмы о своем любовном романе с Ленинградом, в которой соединились все его стихи» [11].

Список литературы

- 1 Кулагин А. Я ли свой не знаю город? // Нева. — 1994. — № 12. — С. 297–300.
- 2 Бродский И. Беседу вела А.Эпельбаум // Странник. — 1991. — № 1 // <http://josephbrodsky.narod.ru/attachment81.html>
- 3 Уфлянд В. Могучая питерская хворь // Звезда. — 1990. — № 1. — С. 179–184.
- 4 Кушнер А. Город в подарок. Стихи. — Л.: Детская лит., 1976. — 127 с.
- 5 Кушнер А. Стихотворения. — Л.: Худ. лит., 1986. — С. 268.
- 6 Кушнер А. Пятая стихия. Стихи и проза. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. — 384 с.
- 7 Кушнер А. // <http://kushner.poet-premium.ru/semidesyatye.html>
- 8 Кушнер А. Веселая прогулка стихи. — СПб.: Азбука-Аттикус, 2011. — 48 с.
- 9 Эпштейн М.М. Природа, мир, тайник вселенной... Система пейзажных образов в русской поэзии. — М., 1990 // <http://www.nvz.net/dworecki/other/e/4/kushner.htm>
- 10 Кушнер А.С. Канва. — Л.: Сов. писатель, 1981. — 208 с.
- 11 Евтушенко Е. Строфы века. Антология русской поэзии. — Минск–М., 1995 // <http://kushner.ouc.ru/strofu-veka.html>

С.Д.Әбішева, М.С.Асылбекова

А.Кушнер поэзиясындағы қала топосы

А.Кушнер поэзиясында лирикалық кейіпкері бейнеленген қала өзінше бөлек мәтінге айналды. Кушнердің әлем үлгісін тануы қаланың көркем образын жүйелеу, ақын мен қаланың қарым-қатынасындағы кеңістік және оның тіршілікті ұғынуынан құралады.

S.D.Abisheva, M.S.Asylbekova

Top wasps of the city in A.Kouchner poetry

The city becomes a peculiar text, it bears semantic and symbolic awareness of A Kushner's lyrical character. Kushner's modal of the world consists of a system of artistic image of the city; the description of its space allows expressing the poet's attitude to city locus as well as his perception of the life.